

УДК 93/99

**РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ В ПРОТИВОСТОЯНИИ «БЕЛЫХ»
И «КРАСНЫХ» В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В.А. Матвеев

**RUSSIAN JEWS IN THE STANDOFF BETWEEN THE "WHITE"
AND "RED" MOVEMENTS DURING THE CIVIL WAR**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования специфики проявления устойчивости российского согражданства в условиях революционного кризиса 1917–1920 гг. Выбор вариантов его преодоления имели существенные различия. Раскол в условиях гражданской войны произошел и в среде еврейского населения России. Представители его также принимали участие в вооруженном противостоянии не только на стороне «красных». Немалая часть евреев поддерживала и «белое» движение. Такая этнополитическая разобщенность, по мнению автора, отражала так или иначе происходившее самоопределение, имевшее сходство с тем, как оно осуществлялось у всех входивших в состав государственного сообщества народов. Определяющей же при этом оказывалась тенденция сохранения единого отечества.

Abstract. The article presents research results exposing the specific manifestations of the stability of Russian co-citizenship in the context of the 1917–1920 revolutionary crisis. The various options used to overcome the crisis varied widely. A split amidst the civil war also occurred among the Jewish population of Russia. Its representatives took part in the armed confrontation, not only alongside the "Reds". Many Jews supported the "white" movement as well. The author argues that such ethno-political disunity reflected the ongoing processes of self-identification, much like it was the case with the peoples within the state communities. The decisive factor was the tendency to preserve a single homeland.

Ключевые слова: белое и красное движение, гражданская война, системное противостояние, революционный кризис, российские евреи, общегражданский раскол, политическое самоопределение.

Keywords: white and red movement, civil war, systemic confrontation, revolutionary crisis, Russian Jews, general civil split, political self-identification.

В условиях гражданской войны в России командованию белого движения приходилось сталкиваться с распространением в восточнославянской среде южных ареалов антисемитских настроений. Проявлялись они в той или иной форме, по свидетельству А.И. Деникина, «в верхах и низах, в интеллигенции... народе... у петлюровцев, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых». Обострение же ситуации по «еврейскому вопросу» наблюдалось «задолго до вступления», по его уточнению, Вооруженных сил юга России в административно определенную ранее «черту оседлости» [1, с. 535]. Проявилось оно еще

в период первой мировой войны. Но большинство офицерского корпуса русской армии антисемитские настроения не поддерживало. Лишь отдельными представителями Ставки по не поддававшимся проверке мнимым доносам допускалось, как отмечалось в критических возражениях по ходу событий, «безобразное обращение с евреями в прифронтовой полосе» [2, с. 83].

Меры по противодействию этому обсуждались на самом высоком уровне, но предотвратить их страдания так и не смогли. Представители евреев правильно ставили вопрос, что отвечать должны те, чья виновность доказана и отнюдь не высказывались против наказаний за измену [2, с. 79–86]. Антагонизм с восточнославянским населением ряда российских губерний между тем являлся одним из неблагоприятных наследий прошлого и не всегда встречал при различных обстоятельствах правильное понимание. Закладывался он политикой, проводившейся в Речи Посполитой по отношению к православному восточнославянскому населению. Но только польским наследием явление это, безусловно, не исчерпывалось.

В историческом исследовании А.И. Солженицына «Двести лет вместе», в частности, помечено, что формированию антагонизма способствовали «сборщики податей, владевшие значительным имуществом», взимавшие умеренные проценты «с бедных людей», а «в случае неплатежа» лишали должника вообще каких-либо средств к существованию и даже личной свободы [3, с. 23]. Сведения об этом писатель, кстати говоря, почерпнул в «Краткой еврейской энциклопедии». Значительная часть народа была в распространении ростовщичества неповинна и также от него страдала, подвергаясь эксплуатации в тех же формах, что и остальные. Среди евреев существовали, как и у всех народов, беднейшие слои. Однако недовольство распространялось и на них, что и предопределяло особую восточнославянскую разновидность сепаратизма. По ходу событий гражданской войны при его проявлениях пробивалась стихия, вбиравшая сочетание разных воздействий. В их сочетании А.И. Солженицын выделил и религиозную нетерпимость, занесенную переселенцами из Европы, где связанные с ней потрясения продолжались «несколько веков подряд» [3, с. 29].

С включением части Польши Россия унаследовала и эту проблему. Существовала она и в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Значительное переселение евреев из Польши и Центральной Европы на Украину происходило с XVI в. Тогда же данная миграция обрела направленность и в Белоруссию [3, с. 23]. Со второй половины XVIII в. при непосредственной поддержке Екатерины II стало происходить водворение евреев в Новороссию. Без «чрезмерной официальной огласки» туда принимались выходцы «из Литвы, Польши, из числа турецких пленных и беженцев от гайдамаков». Немалая часть еврейского населения оказалась в составе России после разделов Польши [3, с. 32]. Именно в пределах бывшей Речи Посполитой происходило формирование антагонизма по религиозному признаку между православными и иудеями, когда «злоба крестьянина»,

по словам А.И. Солженицына, «направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора» [3, с. 33].

Из представителей еврейского народа назначали сборщиков налогов, а для повышения собираемости отдавали им ключи от храмов, что позволяло оказывать давление при помощи веры. Необходимо заметить, что делалось это на протяжении длительного времени в условиях высокой религиозности населения. По версии А.И. Солженицына, «ненависть населения» Малороссии складывалась из следующих впечатлений: евреи при польских порядках служили «интересам землевладельцев и правительства», распоряжались различными отраслями помещичьего хозяйства, им были подчинены «православные церкви», а пошлины налагались при их управлении даже «на крещение младенцев» [3, с. 34]. Какой-либо «особо русской» враждебности к этому народу между тем, как удалось установить писателю при осмыслении источников и литературы, не существует. В качестве примера отсутствия дискриминации в государственной политике он сослался на «преследование старообрядцев», которое отличалось предельной жестокостью, хотя они были такими же православными [3, с. 29].

Для предотвращения межэтнических столкновений в России и была определена «черта оседлости», за пределы которой перемещения еврейского населения ограничивались. Знакомые с ситуацией отмечали, что ни одно из ограничительных предписаний «не считалось абсолютно обязательным» [2, с. 74]. В действительности их обходили. Возможностей для этого существовало немало. Одной из них было принятие православия. Однако иудаизм, как и другие религии, находился в Российской империи под государственной защитой. Принцип веротерпимости распространялся и на него. В статье 67 свода законов констатировалось, что свобода веры, наряду с другими подданными, присваивается и евреям [4, с. LXXXIV, 3522 столб.]. В иудаизме же понятия религиозной и национальной идентичности совпадают. Это обстоятельство учитывалось и в обозначавших «легальные ограничения» предписаниях. Определение «еврей» соотносилось с вероисповедной принадлежностью к иудаизму [2, с. 75].

Государственная власть не вмешивалась во внутренние дела общинной жизни этого народа, что являлось показателем предоставления самостоятельности во внутренних делах [2, с. 72]. Официальное отношение к евреям в Российской империи также основывалось на представлении, что они такие же подданные. Необходимость отмены ограничений осознавалась между тем на самом высоком уровне [2, с. 78]. Подтверждение этому содержится и в записях о применявшихся подходах в управлении страной С.Ю. Витте. Поскольку в начале XX в. он обретал политический опыт и при осуществлении функций премьер-министра, изложенное им отображало, безусловно, государственный подход. По разъяснению С.Ю. Витте, правительство никогда «не занималось науськиванием русского населения на евреев», погромы же происходили «стихийно» [5, с. 99].

Вспышки их проявились еще в конце XIX в. Наиболее трагичным по последствиям оказался «кишиневский погром» в 1903 г. [6, с. 180]. Реакция власти на рецидивы насилия против евреев была предельно жесткой. Никаких действий, по убеждению правительственных инстанций, «против кого бы они ни были направлены – против русских или против евреев, – государство терпеть не должно» [5, с. 99]. Погромы рассматривались как беспорядки [5, с. 99]. С ними, по свидетельству С.Ю. Витте, расправлялись в том числе крайними силовыми способами: «Обыкновенно являлись войска, которые барабанным боем предупреждали толпу, чтобы она расходилась, и если толпа не уходила, то войско шло на толпу в штыки» [5, с. 99]. Об отношении в Российской империи к евреям, как и к остальным подданным, сохранилось большое количество и других свидетельств.

Одно из них отражено, в частности, в мемуарах П.Г. Курлова, получившего осведомленность о различных происшествиях в западных ареалах Российской империи в качестве губернатора, а впоследствии и генерала киевского отделения охраны. В них отмечено: «Еврейские погромы решительно пресекались военными и полицейскими мерами» [7, с. 79]. Отмена же ограничений предусматривалась и при проектировании реформ П.А. Столыпина [2, с. 78]. С еврейскими погромами сталкивались и в Европе, причем даже в таких странах как Швейцария. Но только в России идеологами большевизма в борьбе за обладание властью трагические события были использованы в целях дискредитации государственной политики. Презентация их с таким уклоном без каких-либо изменений применялась и впоследствии.

В кратком курсе истории ВКП(б) под влиянием оторванных и в этом случае от отечественной реальности оценочных суждений В.И. Ленина, И.В. Сталина и других причастных к формированию искаженного восприятия отечественного прошлого теоретиков большевизма было записано: «Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье» [8, с. 6]. Какие-либо подтверждения фактами, как и в других случаях, не приводились. Несмотря на это, утверждение широко использовалось в пропаганде и цитировалось в печатных изданиях, порождая чувство «обиды».

Между тем в государственных структурах России в имперский период существовало понимание, что положение, связанное с рецидивами погромов, усугублялось именно «чертой оседлости евреев». Представители русской администрации неоднократно признавали ее сохранение ошибкой. Настаивали они и на отмене «черты оседлости», так как данное ограничение не давало «никакого практического результата» [7, с. 62]. Смысла в ее сохранении соответственно не было. Настаивая на отмене «черты оседлости», русские администраторы ссылались на то, что выехать за ее пределы «при помощи различных ухищрений все-таки удавалось» [7, с. 63].

Поддержание же ограничений для евреев вызывало, по их наблюдениям, «раздражение со стороны целого народа» [7, с. 62]. Русские администраторы, соприкасавшиеся с непосредственным управлением в субъектах с «чертой оседлости», и высокопоставленные чиновники настаивали на введении и в этом отношении полного равноправия. Николай II поручил П.А. Столыпину, согласившись в конечном итоге с доводами по этому вопросу, «в административном порядке принять меры к облегчению ограничительных постановлений против еврейства» [7, с. 112]. Российским законодательством и ранее предусматривалось соблюдение религиозных интересов исповедовавших иудаизм соотечественников. На государственном уровне признавалось и то, что евреи «составляют часть населения Российской империи и принадлежат к числу русских подданных» [7, с. 62].

За снятие черты оседлости высказывался и лидер партии октябристов А.И. Гучков, занимавший не особо благожелательные позиции в еврейском вопросе. Свое мнение он излагал и Николаю II, возражая тогда против допуска представителей от этого народа «в состав офицерства» [9, с. 48–49]. Став же военным министром Временного правительства, А.И. Гучков разрешил евреям занимать командные должности в русской армии. Практика раздельного существования этнических общностей в ряде случаев способствовала предотвращению конфликтов. На северокавказской окраине, например, в пределах аульных обществ, не разрешалось селиться русским. При их присутствии их ограничивалось лишь отдельными представителями структур управления, аппарат которых на местах был преимущественно «туземный». При помощи запрета охранялись и права на земельные угодья. В условиях революционного кризиса недовольство нередко распространялось и на предшествующий этап развития, имевший не только негативный, но и преобладавший позитивный опыт.

Оппозиционные настроения в связи с дискредитацией государственного управления проникали и в среду российского казачества. Представители его при случае критически отзывались о «бесконечной службе», называя даже сословные привилегии фиктивными [10, с. 366–367]. Появились и отождествления с «чертой оседлости» традиционного способа наделения земель за службу, отчего подавляющая часть казачества не отказывалась и в условиях обострения революционного кризиса. О «черте оседлости» заявил на одном из совещаний в 1917 г. есаул А. Нагаев, представлявший тогда казачьи войска во «Всероссийском Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов». Делегирован он был от Кавказского фронта, в состав которого входили части семи казачьих войск России [10, с. 366–367]. В речи А. Нагаев выражал существовавшие в них настроения. К тому же выступление он начал с указания: «Я не большевик» [10, с. 366–367].

Это являлось показателем отсутствия соответствующих политических предпочтений. Подытоживая свое выступление, А. Нагаев заявил: «Да, только у евреев и казаков была черта оседлости» [10, с. 366–367]. Критические же

суждения о действительности в условиях кризиса не всегда отличались объективностью. Но в них была и доля правды. «Черта оседлости евреев» создавала препятствия для интеграционного процесса, замедляя становление общегражданской общности. Однако значительные массы еврейского населения, несмотря ни на что, также как и многие другие народы, признавали Россию своей родиной и являлись соотечественниками. Подтверждением служит, в частности, раскол, произошедший в данном этноконфессиональном сообществе в период гражданской войны.

Часть евреев поддержала в разных формах белое движение. Участие в нем принимали офицеры и солдаты из их среды. В составе Добровольческой армии они совершали походы, откликались на мобилизационные мероприятия. Тем самым представители евреев поддерживали идею «единой и неделимой России», использовавшуюся для мотивации белого движения. Желание служить не исчезало несмотря даже на «пассивное сопротивление офицерской среды» пополнению подразделений представителями этого народа. С ходатайствами исправить ситуацию посланцы от него обращались и к А.И. Деникину. Отражавшаяся в них неудовлетворенность касалась в том числе и того, что офицеры из евреев попадали в резерв. Негативное отношение к представителям этого народа в Добровольческой армии было несправедливым. В запасных батальонах, куда преимущественно направляли рядовых, на почве «резкой вражды» происходили нарушения дисциплины [1, с. 534–535].

Между тем евреи являлись такими же соотечественниками и по своему, как и все остальные, понимали характер развивавшихся событий. В их присутствии в Вооруженных силах юга России нельзя недооценивать и фактор мобилизации. Но она воспринималась как государственное мероприятие, направленное на защиту отечества. А.И. Деникин в связи с этим давал такое разъяснение позиций руководства: «Отбывание воинской повинности, будучи немалой тяготой, вместе с тем юридически являлось правом граждан. Лишение этого права целой национальности прежде всего поражало бы морально ее самосознание, являлось бы официальным ее осуждением» [1, с. 535]. В разъяснении также отмечалось, что «еврейские контингенты не были многочисленны». В случаях же, когда производилось их расщепление во всех частях, по имевшейся у командующего информации, о «гонениях... слышать не приходилось». А.И. Деникин с сожалением относился к тому, что возглавлявшиеся им Вооруженные силы юга России «не избегли общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами» [1, с. 535].

Однако «участие в борьбе белых армий» представители этого народа принимали, как заметил историк и философ Г.М. Катков, даже «несмотря на эксцессы антисемитизма» [2, с. 76]. В его среде также произошел раскол на «белых» и «красных». Против Добровольческой армии в отдельных случаях действовали отряды, «сплошь состоящие из евреев». Однако рецидивы преступлений, связанных с вспышками погромов, подвергались расследованию и сурово наказывались. Виновные предавались полемому суду, приговаривались

к каторжным работам [1, с. 535]. Руководство Добровольческой армии, как видно, принимало соответствующие меры.

По еврейскому вопросу оно занимало такие же позиции, которые реализовывались в Российской империи, и прежде всего определившиеся в проводимой политике на более поздних этапах ее существования. А.И. Деникин не раз подчеркивал, что необходимо неукоснительное соблюдение государственных интересов. За погромы, приводившие к человеческим жертвам, по его настоянию применялась «смертная казнь». В Добровольческой армии исполнялись и такие приговоры. Ее командование придерживалось точки зрения, что осуждениями погромов, о чем просили уполномоченные от евреев, изменить ситуацию не удастся [1, с. 539–540]. В офицерском корпусе Добровольческой армии тех, кто стоял за «еврейское равноправие», было немало [1, с. 535].

Конфликт, связанный с погромами на юге России, можно с полным основанием отнести к редкой разновидности гражданской войны. В ней наблюдались признаки особого вида вандейского противостояния. В советской историографии его относили к категории «реакционных мятежей», имевших контрреволюционный характер [11, с. 955]. Современный уровень знаний позволяет усомниться в правомерности таких имеющих идеологическую заданность оценок. На стороне соответствующих сил во Французской революции конца XVIII – начала XIX в., как признают ученые, была «своя правда». Особенностью южнороссийской вандеи между тем являлась не сословно-классовая, а этническая сплоченность, направленная на достижение чистоты территории и обособление. Поэтому ее можно рассматривать как сепаратистское проявление и вместе с тем разновидность самоопределения.

В классическом типе вандеи монолитом выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию прежних порядков [11, с. 952–954]. В российских условиях националистическая вандея из-за общегражданской составляющей утратила этот важнейший признак, претерпев распад в соответствии с общими для страны процессами. Произошло это и на востоке северокавказской окраины, где столкновения в конце 1917 – начале 1918 гг. из спорадических стычек переросли в настоящую войну. Призывы сепаратистов тем не менее на всей протяженности юга России не получали достаточной для осуществления замыслов поддержки. Раскол по общегражданским закономерностям происходил и в казачьей среде [12].

Проявления националистической вандеи имели, безусловно, свои особенности. По вовлеченности масс они носили обоюдный характер. Как и во всех гражданских войнах, развитие событий по такому сценарию заслуживает сожаления. Восточнославянское сообщество между тем в конфликте, и это несложно заметить, не выступало монолитом. В нем наряду с солидарным взаимодействием в условиях гражданской войны проявлялись и субэтнические вариации исторически сложившихся кодификаций. Рецидивы погромов возникали в пределах малороссийских и новороссийских губерний. У великороссов антагонизм по отношению к евреям в таких обостренных

формах отсутствовал. Объяснение этому можно найти не только, на мой взгляд, в особенностях концентрации населения.

Сказывалось и наследие прошлого, результаты проводившейся в польский период политики. Гражданские войны вандейского типа имеют свои разновидности. Этнические состояния в них могут претерпевать более ускоренную, нежели при естественном развитии, консолидацию, и конфликт обретает еще более жесткие националистические свойства. Именно это наблюдалось в погромах, осуществлявшихся петлюровцами. Предпринималась в них по сути попытка полной зачистки территории от «инородного» элемента. Таким образом, в гражданской войне на юге России прослеживались имевшие особенности разновидности националистической вандеи, каждая из которых несла для сложившегося в условиях империи согражданства угрозу разрушения.

Но «петлюровщина» и другие разновидности «украинских движений» натолкнулись на массовое неприятие прежде всего в среде самого восточнославянского населения. Отсутствовало в условиях гражданской войны единство и у евреев. Часть представителей этого народа, как видно из предпринятого анализа, сражалась в составе Добровольческой армии «за единую и неделимую Россию», немалое количество пополнило ряды революционных сил, отстаивая иные идеалы. В Красной армии, по отображенным в описаниях А.И. Солженицыным фактам, также «сражалось много евреев». В количественном выражении их было больше, чем в других движениях, в том числе и анархистских [13, с. 127]. По верному, на мой взгляд, заключению Г.М. Каткова, «нет оснований трактовать» роль в переломных для отечества событиях «российского еврейства как исключительно революционную» [2, с. 71].

Такое участие является показателем раскола по общегражданскому признаку, а отнюдь не национальному, что и предопределило по ходу событий распад вандейской разновидности противостояния на юге России. Не наблюдалось единства в этом отношении и в восточнославянском сообществе. Большевицкая альтернатива опиралась в гражданской войне на демографический ресурс Великороссии, который государству и в прошлом обеспечивал геополитические успехи. В прежних границах страна смогла сохраниться, как вынужден был признать даже И.В. Сталин, не в последнюю очередь благодаря офицерам и государственным служащим, которые, несмотря на масштабы дестабилизации, продолжали отстаивать «достоинство и независимость России» [14, с. 269].

Свой вклад вносили в это и другие народы, в том числе и окраин отечественного Востока. Евреи и в этом случае не являлись исключением. Раскол же в среде великороссов в условиях гражданской войны тоже имел пропорции, складывавшиеся в конечном итоге не в пользу белого движения. И в этом случае он происходил не всегда под воздействием осознанного выбора. Сходные очертания дифференциация на противоборствующие силы обрела и у населения Малороссии. Субэтнические кодификационные различия,

существовавшие в восточнославянском сообществе, тем не менее накладывали свой отпечаток на характер развивавшихся событий. Государственное же обустройство по варианту, основанному на принципе интернационализма, воспринималось как возможность сохранения прежней целостности страны.

Именно эта тенденция и явилась при кризисных для российской государственности обстоятельствах определяющей. Поддержкой она пользовалась и у евреев. В предпринимавшихся попытках реализации сепаратистских замыслов «украинская власть» на них также не смогла опереться [13, с. 145]. Провозглашение отделения от России евреи восприняли с настороженностью, делая уступки лишь под давлением. Евреи боялись, по заключению А.И. Солженицына, украинства и даже в условиях революционной неопределенности сохраняли веру в «русское государство и... русскую культуру» [13, с. 145]. Не оставляли без внимания такие настроения и петлюровцы. В проводившейся ими националистической пропаганде констатировалось, что евреи «подчеркивают свое знание русского языка», игнорируют усилия по созданию «украинской государственности» [13, с. 147].

Так называемое «правительство Петлюры-Винниченко» получало между тем одобрение в своей деятельности только у сионистов, несмотря даже на организовывавшиеся им еврейские погромы. Осуждение в его адрес за сепаратистские инициативы высказывали между тем другие националисты из среды этого народа [13, с. 148]. Однако значительная часть соотечественников евреев и в тех непростых условиях на стороне «белых или красных» продемонстрировала выбор в пользу российской государственности. С мнением о том, что этого «никогда не было», подвергнутым обоснованной критике Г.М. Катковым [2, с. 72], проведенный анализ позволяет не согласиться. Сделан же выбор был, конечно, не в условиях гражданской войны. Произошел он значительно раньше, еще в имперский период.

В деятельности советских карательных органов, где сразу же установилось преобладание представителей национальных меньшинств, можно, безусловно, усмотреть антирусскую направленность. К такому выводу при знакомстве с источниками и публикациями по теме наряду с другими авторами пришел и А.И. Солженицын. Но от развязанного «красного террора» страдали также и евреи, попадая, по образному выражению писателя, «под колесницу торжествующего большевизма» [13, с. 136–137]. В их среде при обретении варианта самоопределения в условиях ситуации неопределенности, как и во всем российском согражданстве, определяющую роль играли факторы, свидетельствовавшие об отсутствии сплоченности с уклоном на обособленность.

Обобщающим для них так же, как и для восточнославянского сообщества, являлось единое отечество. Солидарное взаимодействие российского согражданства в тот период распалось, к сожалению, на полюса притяжения противоборствующих сил «революции и контрреволюции». Свои различия

субэтнические коды имели и на российских окраинах. Специфика прослеживалась в том числе в Новороссии. Историческая кодификация в ее пределах с малороссийской разновидностью полного совпадения не имела, несмотря на некоторые языковые сходства. Служившие в Красной армии бойцы, набранные из губерний Новороссии, интернационализм понимали не иначе как идею единой и неделимой России [15, с. 649].

Предполагавший внешнюю солидарность на классовой основе этот критерий сплочения сложившегося в имперский период согражданства налагался на существовавший общегражданский синтез. Для восточных славян он имел вместе с тем свойства происходившего установления этнонационального единства. В новороссийском варианте этот процесс оказался наиболее глубоким. Региональная же специфика края вбирала и иные этничности, которые также становились сродными. Впитали они идеалы общерусского государственного синтеза. Интернационализм сыграл между тем конструктивную роль в противодействии украинскому национализму и после завершения гражданской войны.

Перспективу такого объединения поддержала значительная часть населения бывших малороссийских губерний. «Украинский контрреволюционный сепаратизм» не находил поддержки в его среде [16, с. 16, 32, 51–52]. В период гражданской войны и на последующих этапах, как отмечали очевидцы, националистическая перспектива на Украине популярностью не пользовалась. Организовать ее сторонников не удавалось, несмотря на поддержку из-за рубежа, в том числе и материальными ресурсами. Националистические идеи не воспринимались населением, отношение к ним оказывалось враждебным [16; 85; 87]. Вплоть до окончания гражданской войны между тем тенденция на сохранение консолидации восточнославянского сообщества имела устойчивое проявление. Субэтничности при ее развитии не исчезали. Общность же русских славян прослеживалась и в западных ареалах.

Солидарное взаимодействие, несмотря на попытки насадить националистические проекты, сохранялось и в контексте евразийской вариации согражданства. Альтернатива разобщения в условиях не преодоленной революционной разбалансированности населением России отвергалась. Распад претерпела и такая разновидность гражданской войны, как националистическая вандея. Сплочения в противостоянии по этническому признаку не произошло. Полюса притяжения в ходе противоборства сил «революции и контрреволюции» воспринимались в общегражданском преломлении. Со своей спецификой интегрированность по ходу гражданской войны прослеживалась и у евреев. Российский вектор самоопределения между тем в дальнейшем не учитывался, равно как и состояния незавершившихся этнополитических трансформаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты : В 3 кн. Кн. 3. Т. 4 и 5. Вооруженные силы Юга России / А. И. Деникин. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 832 с.

2. Катков Г. М. Февральская революция / Г. М. Катков ; [пер. с англ.]. – М. : Центрполиграф, 2006. – 478 с.
3. Солженицын А. И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 1 / А. И. Солженицын. – М. : ПРОЗАиК, 2009. – 544 с.
4. Полный свод законов Российской империи : В 2 кн. / под ред. А. А. Добровольского. Кн. 1. Т. I–VIII. – СПб. : Законоведение, 1911. – LXXXIV, 3522 столб.
5. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 708 с.
6. Милуков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1 / П. Н. Милуков. – М. : Современник, 1990. – 446 с.
7. Курлов П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. – М. : Современник, 1991. – 255 с.
8. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : краткий курс / под ред. ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б) 1938 г. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1945. – 352 с.
9. Гучков А. И. Воспоминания председателя Государственной думы и Военного министра Временного правительства / А. И. Гучков. – М. : Вопросы истории, 1993. – 114 с.
10. Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах / под ред. М. Н. Покровского. – М.–Л. : Госиздат, 1930. – 372 с.
11. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М. : Советская историческая энциклопедия, 1962. – 1023 с.
12. Голубинцев А. В. Казачья Вандея / А. В. Голубинцев. – М. : Вече, 2014. – 288 с.
13. Солженицын А. И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2 / А. И. Солженицын. – М. : ПРОЗАиК, 2009. – 576 с.
14. Сталин И. В. О Петроградском фронте / И. В. Сталин // Сталин И. В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1947. – С. 265–271.
15. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год / В. В. Шульгин. – М. : Новости, 1990. – 832 с.
16. Смолич Ю. Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет / Ю. Смолич. – М. : Известия, 1971. – 559 с.

REFERENCES

1. Denikin A.I. Ocherki russkoj smuty: V 3 knigah. Kniga 3. T. 4 i 5. Voo-ruzhennye sily Yuga Rossii. – M.: Ajris-press, 2003. – 832 s.
2. Katkov G.M. Fevral'skaya revolyuciya. Per. s angl. – M.: ZAO Centrpoli-graf, 2006. – 478 s.
3. Solzhenicyn A.I. Dvesti let vmeste. V 2 ch. Ch. 1. – M.: PROZAIK, 2009. – 544 s.
4. Polnyj svod zakonov Rossijskoj imperii: V 2 kn. / Pod red. A.A. Dobrovol'skogo. Kn. 1. T. I–VIII. SPb.: Izdanie knizhnogo magazina «Zakonovedenie», 1911. LXXXIV, 3522 stolb.
5. Vitte S.Yu. Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg. – M.: Mysl', 1991. – 708 s.
6. Milyukov P.N. Vospominaniya (1859–1917). T. 1. – Moskva: Sovremennik, 1990. – 446 s.
7. Kurlov P.G. Gibel' Imperatorskoj Rossii. – Moskva: Sovremennik, 1991. – 255 s.

8. Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. Pod red. CK VKP(b). Odobren CK VKP(b) 1938 god. – M.: OGIZ; Gospolitizdat, 1945. – 352 s.
9. Guchkov A.I. Vospominaniya predsedatelya Gosudarstvennoj dumy i Voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva. – M.: Redakciya zhurnala «Voprosy istorii», 1993. – 114 s.
10. Gosudarstvennoe soveshchanie // Arhiv Oktyabr'skoj revolyucii: 1917 g. v dokumentah i materialah. (Pod red. M.N. Pokrovskogo). – M.–L.: Gosizdat, 1930. – 372 s.
11. Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 2. – M.: Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya, 1962. – 1023 s.
12. Golubincev A.V. Kazach'ya Vandeya. – M.: Veche, 2014. 288 s.
13. Solzhenicyn A.I. Dvesti let vmeste. V 2 ch. Ch. 2. – M.: PROZAIK, 2009. – 576 s.
14. Stalin I.V. O Petrogradskom fronte // Stalin I.V. Sochineniya. T. 4: no-yabr' 1917–1920. OGIZ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatu-ry. – M.: OGIZ; Gospolitizdat, 1947. – S. 265–271.
15. Shul'gin V.V. Gody. Dni. 1920 god. – M.: Izdatel'stvo «Novosti», 1990. – 832 s.
16. Smolich Yu. Rasskaz o nepokoe. Stranicy vospominanij ob ukrainskoj literaturnoj zhizni minuvshih let. – M.: «Izvestiya», 1971. – 559 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев В.А. Российские евреи в противостоянии «белых» и «красных» в период гражданской войны / В.А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1. – С. 55–66.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V.A. Russian Jews in the Standoff Between the "White" and "Red" Movements During the Civil War / V.A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 1, pp. 55–66. (In Russian).